

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

В

БОЛЬШИЕ КНИГИ

Гавриил Троепольский

БЕЛЫЙ БИМ
ЧЕРНОЕ УХО

*Повести,
рассказы, очерки*

Издательство «Азбука»
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Т 70

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

ISBN 978-5-389-17628-7

© Г. Н. Троепольский (наследник), 1971
© Н. Г. Гладкова, статья, 2020
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

ОН НЕ МОГ НЕ ПИСАТЬ

(Воспоминания об отце)

Мне часто приходилось слышать: «Родина... на родине...», «Спасовка», «Новоспасовка». (Село Новоспасовка, Грибановского р-на, Воронежской обл.) Давно хотелось побывать в тех местах и проехать дорогой, которая привела бы к дому моих отцов, но удалось мне это сделать очень поздно. И наконец-то вот она, эта долгожданная дорога. Где-то здесь, совсем рядом, совсем близко — Спасовка. Но где? Спросили идущую по обочине женщину. Она посмотрела на нас с удивлением (мол, простых вещей люди не знают!) и вдруг громко с укором произнесла: «Да вы в уме ль? Вон Спасовка!» Небрежно махнула рукой куда-то в сторону луга и быстро пошла дальше. Смешно, но это «да вы в уме ль» оказалось таким близким! Оно окончательно убедило: мы дома! Сама фраза, много раз слышанная, интонации, которые звучали в словах незнакомого человека, мне были знакомы с детства.

И вот она, тихая, скромная земля моих предков. Она излучает что-то такое, от чего становится теплее, спокойнее на душе. Она напоминает о тех, кто когда-то здесь жил, и рассказывает о них.

Вот холм. Входишь на него и видишь картину, близкую каждому русскому человеку, выросшему в средней полосе России: селения, луга да поля — поля до горизонта. Вдали на одном из них — темное пятно. Деревенское кладбище, раньше говорили — «погост». Землю вокруг этого места никогда не вспахивали — берегли память. Но со временем с годами кладбище зарастает все больше и больше буйной зеленью. Неужели когда-то она скроет его навсегда, как скрыла высокая сочная трава место, где стояла церковь, а напротив — дом священника?

Трава шелестит и кланяется земле, как бы сливаясь с ней. И этот холм, и трава, и земля помогают нарисовать в воображении картины прошлого. Они едва видимы, изображения колеблются в мареве, но ты все-таки видишь... Вот церковь, которая когда-то возвышалась на этом холме... Друг за другом поодиночке или целыми семьями тянутся к ней люди. Мужчины — с обветренными лицами, с заскорузлыми

от работы руками. Женщины — нарядные, покрытые чистыми платками. Они несут на руках и ведут рядом с собой ребятишек, в глазах которых, несмотря на серьезность обстановки, светится озорство. Но дети становятся смиренными, осенив себя крестом и переступив порог церкви. Знают, отец Николай строг и зорко будет следить за ними во время службы. Вот уже слышен его голос... Слова молитвы...

В окно, что справа, сельскому священнику видна небольшая могилка. В ней похоронены двое его детей — Люся (по метрике Елена) и Коленька. Они всегда рядом с ним. Он молится за них... и за живых.

А ты теперь стоишь на холме, и тебе кажется, что в мире сейчас ничего нет, кроме этой земли предков, этих холмов, этой травы, этого степного ветра и разрушенного прошлого. От него здесь почти ничего не осталось, кроме едва заметного углубления от фундамента дома священника, кроме старых кустов сирени около него да еще кое-каких свидетельств того, что здесь когда-то было. Отсюда разошлись пути людей, близких тебе, и эти трудные, тернистые пути-дороги зовут и тебя пройти по ним. К сожалению, лишь на склоне лет начинаешь осознавать, что ничто так не очищает, как возможность побывать на земле отцов, подышать воздухом, которым они дышали, поклониться земле, на которой они жили и которая их кормила. Невольно оглядываешься на свою жизнь, как будто меряешь ее их мерками, и думаешь: так ли живешь, то ли делаешь? А то, что порой окружает тебя, наталкивает на грустную мысль. Может быть, люди многое растеряли в дороге именно оттого, что перестали чувствовать себя виноватыми за учиненный разор: за разрушенные церкви, за загубленные погосты, за безвременные смерти, за то, что там, где когда-то кипела жизнь, остались лишь холмы, заросшие травой, да заколоченные дома?

Здесь 16 ноября (29 по новому стилю) 1905 года в большом многолюдном селе, которым была Новоспасовка, родился мой отец — Троепольский Гавриил Николаевич (до появления в печати его имя имело написание с одной буквой «и»).

* * *

Давно-давно, в 1901 году, в Новоспасовку вместе с молодой женой приехал только что получивший приход протоиерей Троепольский Николай Семенович. Здесь началась история новой счастливой семьи. Рождались дети, и, конечно, все силы супруги отдавали их воспитанию и образованию. Казалось бы, сельская жизнь может ограничить развитие человека. Но нет, дом священника был домом, в котором жили интеллигентные люди, а это качество не вытравить ничем, это остается навсегда и непременно переходит потомкам. Родители смогли передать своим детям многое из того, что знали и умели, ведь каждый от

природы был по-своему талантлив, кроме того, оба имели хорошее образование. Мама, Елена Гавриловна, «удостоена звания учительницы начальных училищ без всякого испытания», Николай Семенович окончил духовную семинарию и обладал разносторонними знаниями. Родители учили детей грамоте, пристрастили их к чтению (в доме была хорошая библиотека). Часто из окон слышались звуки фисгармонии, пение. Но, пожалуй, самое важное то, что они приучили их к труду и смогли в них воспитать непреодолимое желание учиться и идти дальше.

* * *

После основательной домашней подготовки старшие дети — Лиза, Зоя и Гаврил — учились в женской и мужской гимназиях города Новохопёрска (Воронежская обл., райцентр). Вскоре военные и революционные события не только эхом отозвались в этих местах, но развернулись со всей силой, как и во всей России, и занятия пришлось прекратить.

Как только стало возможным, в 1919 году дети Николая Семеновича и Елены Гавриловны продолжили свое образование. Лиза поступила на медицинский факультет Харьковского университета, а Зоя и Гаврил стали учиться в только что открывшейся Единой трудовой школе 2-й ступени в селе Новогольское, расположенной примерно в 14 километрах от Новоспасовки. Преподавали в школе высокообразованные люди. Это были и присланные учителя, и просто представители старой интеллигенции, и даже бывшие местные помещики. Со своими учениками, а большая часть из них вышла из крестьянских семей, они не только щедро делились своими знаниями по своему предмету, но и старались развить их, расширить круг их интересов, хотя слово «старались» здесь не совсем уместно. Эти люди сами по себе были примером высокой культуры и в то же время необыкновенной простоты в общении. Все это естественно, без всяких назиданий впитывалось учащимися, и многие из них под влиянием таких педагогов впоследствии сами изменились и смогли изменить свою жизнь. Это был важный период в жизни молодежи, живущей в окрестных селах.

В 1919 году (возможно, в начале 1920 г.) в Новогольское приехал молодой учитель литературы Григорий Романович Ширма. Белорус по национальности, небольшого роста, усы, бородка клинышком, внимательные глаза. Он был всего на несколько лет старше своих учеников, но вместе с другими учителями сыграл огромную роль в становлении многих юношей и девушек, и именно благодаря ему они на всю жизнь полюбили литературу. Достаточно сказать, что самый близкий друг Гаврила Федор Погрешаев (будущий генерал-майор авиации), выросший в неграмотной крестьянской семье, знал всего «Евгения

Онегина» наизусть. И Гаврил теперь был не маленький мальчик с трясущимися коленками, который когда-то в гимназии читал перед классом свое сочинение, а молодой человек, который уже тогда навсегда связал с литературой свою дальнейшую жизнь. Григорий Романович поставил Гаврила на литературный путь, раскрыл в нем те задатки, которые проявлялись еще в детстве. В июне 1922 года Григорий Романович Ширма уехал на родину, в Белоруссию. Но много лет продолжалась тесная дружба и переписка народного артиста СССР, руководителя знаменитой на весь мир Государственной академической хоровой капеллы БССР с его бывшими учениками и одним из них, ставшим впоследствии известным русским писателем, — моим отцом.

Однажды, разбирая архив, я нашла письмо, сильно поразившее меня. Оно немного измято, написано карандашом. Его автор — Митрофан Фирсов, один из учеников новогольской школы: «Вот теперь, когда мне уже скоро пятьдесят и уже отгрохотала война своим оглушительным громом, не так давно окончилась шумная серебряная свадьба чистейшим серебром, седины ни в душе, ни в голове я не чувствую... Может быть, рано? Но понравились твои слова: „Человеку, перевалившему за пятьдесят-шестьдесят, часто кажется, что молодым он был совсем недавно. Так уж устроен человек, и ничего с этим не поделаешь“. Может, поэтому я считаю себя в расцвете сил, что так богато и щедро дал нам чернозем, который начинался с Новогольского и до Елань-Колена — и дальше все чернозем и чернозем. И вот из этого, я бы сказал, удобнопорного материала вышли мы на свет. Кто мы? Мы — это я, ты и все наши друзья. Мы выдержали все на свете. Мы нисколько ничему не удивляемся. А почему? Да потому, что мы всегда впереди. Все то, о чем бы разговор ни зашел, делаем мы! Чему же нам удивляться! Я, например, рад — то, что знаю я, министр не знает (хотя меньше его получаю). Меня и мое достоинство это вполне удовлетворяет, и этим я горжусь. Горжусь тем, что я из Новогольского облетал всю страну и был за ее границей. Я горжусь тем, что я стране помог тем, о чем она меня просила».

Какие сильные, целеустремленные люди вышли из российской глубинки!

* * *

Уже в первое десятилетие супружества счастливая семейная жизнь Николая Семеновича и Елены Гавриловны постепенно складывалась трагично. Умирили дети. Умер полугодовалый Коля, умерла двенадцатилетняя Люся (по метрике Елена), умерла девятнадцатилетняя Лиза. Было шестеро, а в живых остались только трое — Зоя, Гаврил и ма-

ленькая Валя, и дороги им везде были закрыты: начались гонения на священнослужителей. Вся жизнь резко изменилась. И все-таки Гаврил и Зоя продолжали учиться. В 1922 году они вместе с друзьями поступили в последний класс Новохопёрской школы 2-й ступени (расположенной в здании бывшей женской гимназии) и в 1923 году экстерном ее закончили.

И как же везло ребятам на встречи с замечательными людьми! Молодой директор гимназии, учитель немецкого языка Евгений Болеславович Дурасевич, человек высокой культуры, стал для ребят настоящим другом и в то же время наставником. С ним, как и с Григорием Романовичем Ширмой, переписка также продолжалась до конца жизни.

А тогда нужно было думать о том, как строить жизнь дальше. Вместе с друзьями Гаврил поехал в Тамбов поступать в летное училище. Его не приняли: виною тому близорукость и «поповское» происхождение. Попробовал поступить в Новохопёрское педагогическое училище. Снова не приняли — снова «не в тот класс попал». Пути оказались отрезаны. Об этом он позже напишет:

Быть может, соколом взлетел бы я,
Но... косточку сломали у меня...

* * *

Некоторое время Гаврилу пришлось жить у родителей в Новоспасовке, и только в феврале 1924 года он смог продолжить образование, поступив сразу в третий класс сельскохозяйственного училища в Алешкáх (Воронежская обл., Терновский р-н).

Село Алешкí заканчивалось улицей с названием Дворики. Выше нее, на горе, стояла школа. Неподалеку — несколько кирпичных домов, в которых жили преподаватели. А весь этот «комплекс» местные жители называли Ежовкой, почему — теперь уже трудно установить. После Октябрьской революции, после создания Уездного отдела народного образования (УОНО) это учебное заведение именовалось как «Борисоглебское среднее сельскохозяйственное училище», с 1925 года — «Школа полеводства», а позже, в тридцатые годы, — «Алешковский ветеринарный зоотехникум».

И здесь судьба в очередной раз свела Гаврила с замечательным человеком, и опять с учителем, — Виктором Николаевичем Божко, преподавателем литературы. В 50–60-е годы семья Божко жила в Воронеже, папа часто встречался с Виктором Николаевичем и после его кончины всегда помнил о нем. Он умел помнить своих учителей.

В мае 1924 года выпускникам выдали удостоверения об окончании училища, и все разъехались в разные места. Гаврил вернулся к родителям. К этому времени гонения на священников усилились, семью Николая Семеновича лишили дома, предоставленного ему по приезде в Новоспасовку, всем пришлось переселиться в перестроенный амбар. Летом 1925 года двадцатилетний Гаврил уезжает из родных мест и начинает самостоятельную жизнь в селе Питим (Тамбовская обл., Жердевский р-н.). Он работает «избачом» (в деревнях долгое время существовали так называемые избы-читальни, т. е. библиотеки), затем — учителем и заведующим начальной школой, а также на курсах ликвидации безграмотности. Более двадцати лет назад я побывала в этом селе, познакомилась с некоторыми его жителями, узнала, что очень пожилые люди помнили молодого учителя, показывали мне старые школьные фотографии, никак не желая с ними расставаться, и жалели о раннем отъезде Гаврила Николаевича из села.

* * *

С 1927 по 1931 год Гаврил учителствует в селе Махровка (Воронежская обл., Борисоглебский р-н). Здесь произошла его встреча с писателем Николаем Николаевичем Никандровым (1878–1964), которого в те годы хорошо знали в литературных кругах. Он был знаком с Л. Н. Толстым, А. Грином, М. Горьким, А. И. Куприным. По обстоятельствам времени, жить ему приходилось в разных местах. Умер в Москве, на Арбате, почти нищим и одиноким. Тогда, давно, встреча с этим известным тогда человеком, сейчас почти совсем забытым, стала очень важным событием в судьбе моего отца. Сохранились его стихи тех лет, но из письма Никандрова Гаврилу становится ясно, что он уже тогда пробовал свои силы в прозе и именно в Махровке подвергся серьезной критике, но и получил поддержку «настоящего» писателя:

«11 марта 30 года.

Итак, Гаврил Николаевич, рукопись Вашу прочел. Нахожу, пишите Вы неплохо. Я ожидал худшего. Выделил очерк VI-й — как Федька убил отца; III-й — „новое“ — тоже рисуночно написано, лучше первых двух очерков; последний очерк — „Суд“ — тоже.

⟨...⟩

Отдает искусственностью, несерьезностью, фельетонно, а самые очерки реалистичны и весьма серьезны, даже трагичны. Отсутствуют описания внешних черт как мальчишек, так и мужиков. Мало красок, — однообразно, серовато. Но, повторяю, писать умеете и при желании, при работе добьетесь — Вас будут печатать.

⟨...⟩

Рукопись посылаю Вам с моими маленькими пометками.

Если что-ниб. напишете маленькое, равное по размеру одной главе „Федьки“, то шлите в „Кр. Ниву“, в „Прожектор“. Только давайте современнее. Печатались ли Вы?

Кстати, напишите мне, какие у Вас в Махровке перемены, много ли в колхозе, отменены ли раскулачиванья, кто председельсовета и пр.

Кланяюсь Вашей семье и Шуваевым. Ваш Н. Ник.».

Так в Махровке зачинался роман «Чернозем». Его автору было тогда 25 лет. Возможно, его жизненный путь сложился бы по-другому, если бы не эта встреча в заброшенном, многим неизвестном бедном селении. Теперь совершенно ясно: именно здесь рождался мой отец как писатель. Но далее, все больше и больше увлекаясь, занимаясь самообразованием, упорно учась, а иногда и на ощупь, постепенно он пошел двумя тропами: агронома и писателя. Они-то и слились в одну долгую трудную дорогу. Трагические события шли за ним, и случилось страшное: после нескольких арестов четвертого июля 1931 года был расстрелян Николай Семенович Троепольский. Мой отец никогда не забывал о нем, и светлая память об этом человеке всегда хранилась и хранится в нашей семье.

* * *

А жизнь продолжалась. Понемногу робко пробуя себя в литературном творчестве, работая учителем, Гаврил Николаевич, с детства познавший сельский труд, серьезно занялся агрономией. Из автобиографии: в Махровке «при школе мною был организован опытный участок, который случайно посетил представитель Воронежской опытной станции. Он и предложил мне работу в системе этой станции. (...) С 1931 по 1936 год по приглашению Воронежской областной опытной станции работал младшим научным сотрудником Алешковского опорного пункта этой станции в должности заведующего этим пунктом и одновременно заведующим сортоиспытательным участком. (...) В 1936 году по личному желанию переведен на Острогожский опорный пункт Воронежской опытной станции в должности заведующего опорным пунктом и одновременно заведующим сортоиспытательным участком Всесоюзного института растениеводства (ВИР). В 1937 году при организации Государственной комиссии по сортоиспытанию при НКЗ СССР назначен заведующим Острогожским сортоиспытательным участком в с. Гнилое Острогожского р-на. (...) В 1937–1938 годах окончил высшие курсы по сортоиспытанию при Московской с/х академии им К. А. Тимирязева». До начала пятидесятых Гаврил Николаевич

занимался селекцией нескольких сортов зерновых культур. Выведенный сорт проса Острогожское-9 был районирован в Воронежской обл. и представлен на ВДНХ.

Большой жизненный опыт, глубокое знание простых людей, которых он очень уважал, от которых вобрал в себя все самое лучшее, а также теплившийся в нем с детства литературный дар заставляли все чаще и чаще браться за перо. Печататься стал поздно. Не по своей воле слишком долго держал все внутри, но его появление в литературе оказалось необходимым — и он появился. И не где-нибудь, а в журнале «Новый мир» были впервые опубликованы его рассказы. Александр Трифонович Твардовский, главный редактор журнала, благословил «молодого» писателя, которому уже было за сорок, за плечами которого был огромный жизненный опыт и нелегкие годы кропотливого труда. В мартовской книжке «Нового мира» в 1953 году появился его первый рассказ. Александр Трифонович попросил его автора прислать что-нибудь еще, и Гавриил Николаевич присылал все больше и больше. Творческое общение постепенно перешло в тесную дружбу, которая не прерывалась все последующие годы.

Не имею дара для литературного анализа произведений моего отца и считаю бестактным даже пытаться заниматься этим, но посмею выразить одну мысль: ни один критик, ни один читатель так, как я, не поймет их автора. В каждой его книжке, в каждой строчке, в каждом слове я вижу близкого человека. Я чувствую, где меж строк он прячет едва заметную улыбку, где сию минуту громко возмутится, а где и заплачет. Он много страдал от пережитого, но также и от того, что видел вокруг. Видел — и писал. Написанное рождалось в муках и больших трудах. Он много раз переделывал свои произведения, работая над их языком, композицией, вылепливая образы; сошедшие со страниц, как живые, некоторые из них стали нарицательными и продолжают жить даже среди нас. Он замечательный сатирик и публицист. Но и всегда лирик. Особое восхищение вызывают его описания природы, которая всегда была его частью. Она живет во всех его произведениях. Вот что надо читать и перечитывать, очищая свою душу от всего плохого, суетного.

* * *

Говоря о творчестве моего отца, некоторые представляют его лишь как автора «Белого Бима...». Не спорю — это главная его книга. Но все-таки очень хочется, чтобы читатель знал и другие его произведения. В них, а они не менее талантливо написаны, есть все, что волновало автора. Повторяю, он много видел в жизни, много знал, многое понимал, переноса это на страницы своих произведений, совершенно разных по

жанру. Это целая серия рассказов, фельетоны, публицистические статьи и даже сценарий кинофильма «Земля и люди» (1955). Это сатирическая повесть с трудной судьбой — «Кандидат наук» (1957). Это роман о коллективизации — «Чернозем» (1958–1961). И это, конечно же, замечательная повесть — «В камышах» (1963). Один человек коротко, но емко сказал об этой книге: «Прочитал и будто родниковой воды напился». Долго, упорно, впрочем, как и над всеми произведениями, он работал над сатирической пьесой «Постояльцы» (1971), послужившей ответом на многочисленные проверки государственных комиссий после публикации в «Новом мире» очерка «О реках, почвах и прочем...» (1965).

Очень тяжело он достался моему отцу, долго не заживала нанесенная ему рана. Но еще больнее отзывался в нем вред, причиненный людьми природе, которую с детства хорошо знал, любил, как никто, тонко ощущал ее красоту, понимал ее значение и ценность. Он видел, что порой она окончательно гибнет, и вставал на ее защиту.

Он часто сознавал, что о многом было бы бесполезно громко говорить, но не мог не говорить, тем более не мог не писать и, несмотря ни на что, делая очередной шаг, иногда опасный, снова брал в руки перо. Так было и в случае с очерком «О реках...».

Перечитываю его и вижу речку своего детства — Тихую Сосну. То широкую и спокойную, со сказочными водорослями, рыбешками и большими рыбами, чуть ли не тебе в руки неожиданно выплескивающими себя на поверхность зеленоватой воды, со снующими в попытках сохранения своей жизни косячками мальков: туда — сюда, туда — сюда. То совсем узкую, мелкую, звонкую (по-местному, «быстряк»), с необыкновенно прозрачной, чистейшей ледяной водой, не водой, а с неимоверной силой бегущим хрустальным потоком.

А сколько в ней било ключей! Мощные, сильные, они как бы выталкивали из глубины земли живительную влагу. В жару разморит тебя, а ты наклонишься к такому роднику, пьешь до ломоты в зубах, потом умоешься, побрызгаешься — и усталости как не бывало, снова в тебе есть силы в который раз пылливо исследовать прибрежную траву, камыши, наблюдать за житем-бытьем всякой береговой живности, рвать цветы. Одно слово — «источник»! А на мелководье в некоторых местах часто-часто сочились сквозь песок мелкие ключики. Их было так много, что трудно было войти в воду: от холода сводило ноги. Но ты, бывало, все равно лезешь в реку. Такие минуты еще не осознанного счастья запоминаются на всю жизнь. Нет теперь этих родников вблизи родного города: построили высокую дамбу, перекинули большой мост через маленькую речку — похоронили источники, истоки твоего детства.

А еще, перечитывая очерк, вижу высокую стопку папок. Их тринадцать. Не умещаются на одной полке шкафа. Зеленые, серые, коричневые — разные. В них все труды и страдания отца за мою речку и за многих ее сестер, таких же прекрасных. В них, помимо огромного личного опыта, — работы известных ученых по мелиорации.

Казалось бы, очерк должен был бы приобрести чисто публицистическое звучание, научный характер. Но и здесь нет-нет да и пробьются, как те роднички, лирические нотки. Здесь все живое, все одушевленное: и «звук моторчика», и «израненная река», «чистая, прозрачная, как слеза», здесь слышится ее «немой укор, просьба о пощаде». И слышим мы, «как река стонет», и всем сердцем откликаемся на этот стон.

Люблю эту реку, как близкого человека. Она пока еще жива! А ведь ей наносили смертельные раны. Пытались распахать и осушить ее поймы. Рыли «так называемые прокопы для спрямления русла». Ушла вода. Ушла рыба. Уничтожены, изуродованы луга. «Реку спустили, а болота остались!» До сих пор пожилые жители Острогожска помнят застрявший в иле покосившийся уродливый земснаряд. Долго его вытаскивали. Время мою реку немного вылечило, как лечивает человека, который остается инвалидом и неимоверными усилиями все-таки выживает. Так и река до сих пор героически пытается жить вместе с ее многочисленными сестрами, хотя от некоторых из них остались лишь ручейки да болотца, а кое-где совсем высохшие русла. Хочется вместе с отцом заплакать, только некому теперь сказать: «Не надо... Ну же...»

* * *

Идут чередой годы, летят, напоминая о себе. А в комнате отца будто все застыло, замерло. Здесь — давящая тишина. Ее нельзя спугнуть, нельзя нарушить. Лишь иногда вдруг покажется, что оттуда раздастся негромкое ритмичное чтение, как это часто бывало раньше, когда он потихоньку что-то декламировал. Затем писал — и снова декламировал. И снова писал, никого не посвящая в то, что он делает. Только потом, по разорванным в мелкие клочки черновикам, можно было понять: стихи!

Да, остался целый пласт его творчества, никому еще не известный, то сокровенное, что не всякий и не всегда открывает другим. Находясь уже в довольно преклонном возрасте, он все-таки решил и составил поэтический сборник. Название его говорит о многом — «С болью и надеждой». Здесь и строки, написанные совсем еще наивным юношей, и строки, которые сложил старый мудрый человек... с болью и надеждой.

* * *

Несмотря ни на что, много хороших лет, радостных дней и мгновений знал отец в своей жизни. Он радовался песне жаворонка, когда вместе с солнцем выходил в поле, чувствовал себя отдохнувшим и умиротворенным после охоты или рыбалки, был счастлив, когда рождались дети. Семья для него была самым дорогим, нерушимым; он жил в ее окружении и всегда был ее опорой — так он был воспитан, так было у его родителей и дедов. Он всегда настаивал на том, чтобы мы все — дети, внуки, родные, двоюродные — как можно чаще собирались в его доме. В маленькой комнатке за большим овальным столом едва все размещались, дети и взрослые. Он был «во главе». Много говорил, неторопливо, но интересно. Приподнимал брови, прятал улыбку и что-то принимался рассказывать, потом оживлялся и начинал шутить. Иной раз, прежде чем сказать что-то очень смешное, сам затягивался долгим смехом — и все тоже начинали смеяться, хотя еще ничего и не услышали. Часто удивлял неожиданными экспромтами, подобными надписи на маленькой картонной коробочке с разными болтиками, шайбочками, гаечками. Эта коробочка до сих пор лежит у меня. Ее надпись гласит: «Чтобы мелкие детали никуда не улетали!» Так он постоянно шутил, острил, но не терпел, если во время рассказа кто-то его прерывал. Сердился. И это было счастье. И этого больше не будет *никогда*... Мы, как все дети, которые еще никогда никого не теряли, тогда не совсем понимали, насколько драгоценны были те дни и даже короткие минуты близости к родителям и друг к другу. А он понимал и знал, что такое счастье. Очень давно написано им стихотворение, которое он так и назвал: «Что такое счастье?» Вот они, такие простые, такие понятные строки:

Счастье — это парня нежные шептанья,
С первым поцелуем первая любовь,
Юный бред, страданья, радость ожиданья
Встреч вечерних снов, поцелуев вновь.

Счастье — это мальчик, ласковый мой Саша,
Это щебетунья маленькая дочь,
День весенний теплый в деревушке нашей,
Лунная и тихая сиреневая ночь.

Теплый ветер. Солнце. Пахнет черноземом.
В борозде степенный, как хозяин, грач.
Молодая травка. С вешним перезвоном
Мчится жеребенок через пашню вскачь.

Тракторов урчанье. Жаворонков трели.
Красная букашка на травке впереди.
Там вдали, у лога, девушки запели.
Хочешь видеть счастье — в поле выходи.

Долгая жизнь моего отца, вопреки всему не загубленная, — это наша история, в прямом смысле этого слова. Здесь меня могут упрекнуть в красивости и максимализме. Пусть. Его судьба — это наше прошлое, что так болезненно прошло через него, это наше настоящее, которое он предсказывал, предостерегая людей от ошибок, и в какой-то степени, возможно и в большей, — наше будущее. Да, если бы прислушивались к тому, о чем он писал в своих книгах, статьях, смело и с болью говорил в выступлениях и просто в беседах с людьми, то можно было многого избежать и даже сейчас еще многое поправить. Но ведь не слушали, не хотели! А если бы? Возможно, жизнь землепашца сложилась бы гораздо лучше, реки были бы полноводнее, не приносили бы беды моря, сработанные «умельцами». И природа была бы краше, и человек добрее. Ах, если бы повторяли уроки! Ведь есть «учебники»!

Сразу после его кончины в воспоминаниях одного «товарища» (а их было достаточно «на местном уровне») прозвучало мнение: Троепольский в 60-е мечтал о коммунизме (?!). Да, во все времена находятся любители думать за других. А ведь многие верили, а молодежь — особенно. Но что это были за годы! Осенью — зимой 63-го люди стояли в очередях за суррогатным хлебом. Никогда не забуду, как пришлось выбросить с трудом купленные полмешка муки — в ней оказался песок. Но не в муке и в хлебе насущном дело. Этот период довольно быстро прошел. И в воздухе, казалось бы, «потеплело». Сколько таких повышений и понижений ртутного столба наблюдал мой отец в своей жизни! Иногда читаешь о некоторых известных людях и узнаешь, что в разные моменты таких скачков «температуры» порой даже самые сильные из них колебались, меняли свои взгляды, иногда резко противоречащие (впоследствии это приводило даже к трагедиям!). Теперь мы не осуждаем их, а даже оправдываем, говоря, что виновата действительность, что они впитали в себя время. Отец никогда не менял своих убеждений, а шел своей прямой дорогой, и его политической принадлежностью была одна — принадлежность к партии честных людей, умеющих сказать свое слово во все времена. Но в думах, его и наших, оставалась примесь горечи. Помнится первое многолюдное празднование его юбилея — шестидесятилетие (1965 год). Чествование происходило в зале Клуба студентов (теперь в этом помещении Кукольный театр). На сцене — длинный стол, накрытый сукном, как и полагалось

в те времена. Президиум. Трибуна. Рядом с ней (но не за ней, а лишь как-то неловко опершись локтем на нее) стоит мой отец, необычно прямой, волнующийся. Зал замер, ждет его слов. И, как всегда, негромко, но, мне показалось, даже с каким-то вызовом он медленно начал: «Родился я в семье священника...» В зале легкой волной пробежало что-то тревожное, едва заметное... Лишь на мгновение — замешательство, крохотная пауза. И вдруг чуть громче, но твердо он неожиданно произнес: «Ведь надо же было мне где-то родиться!» И улыбнулся. Снова короткая пауза — и в зале засмеялись... Разрядил... Не очень хорошо помню, о чем он говорил дальше, кто его поздравлял, волновалась я не меньше его. Потом веселились, шумели, пели, танцевали, но та больно натянутая во мне струнка окончательно и навсегда тесно скрепила меня с отцом и часто напоминала о себе.

* * *

Его не стало 30 июня 1995 года. Многое проходит в памяти, и, наверное, не скоро можно осознать все до конца. Трудно смириться с тем, что ты никогда его теперь не увидишь, никогда не поговоришь, не спросишь коротко: «А папа дома?» Бывало, войдешь в затуманенную дымом комнату и скажешь: «Па, здравствуй...» А он как-то боком, сутулясь, обернется из-за стола, посмотрит поверх очков и тихо протянет: «А... Это ты?» И легко догадаться — входит или нет. Иногда на этой фразе «разговор» и заканчивался, видно было, что сейчас ему не до того. В такие дни он жил своей отдельной внутренней жизнью, уходил глубоко в себя, иногда сутками сидел за рабочим столом и писал, писал до онемения пальцев. Он мало говорил о написанном до тех пор, пока не считал работу окончательно завершённой. Вообще все, что делалось им, делалось долго, но тщательно и аккуратно. Он многое умел: чинил электроприборы, сантехнику, старинную «зингеровскую» швейную машинку и даже строчил на ней брезент. Во всяком случае, брался за все, не говоря уже о «жигуленке», который всегда был в идеальном состоянии, хотя на техстанции бывал только в крайних случаях: возня с ним доставляла ему удовольствие и долгое время поддерживала его физическую форму. Он любил машину, как любят живое существо. А с каким упоением он готовился к охоте или рыбалке! Раскладывал блесны, почти все сделанные его руками, терпеливо что-то вытаскивал, зажав предмет в маленькие тиски, прикрепленные к техническому столику, что-то паял, вырезал пыжи, пересыпал дробь, как солдатиков, расставлял патроны, проверял манки, готовил ружье, потом окончательно придирчиво проверял все и тщательно укладывал необходимое в специальный кожаный сундучок. В комнате как-то по-особому

приятно пахло, было спокойно, умиротворенно. Человек отдыхал... и готовился к отдыху. В такие минуты он был спокоен, благодушен и даже тихо напевал: «черррный ворон» или «летать утки», повторяя одну и ту же фразу несколько раз. Вторгаться в эти действо было нельзя. Его зовут обедать — а он не идет до тех пор, пока не закончит дело.

* * *

Много с тех пор воды утекло. К радостям прибавились тревоги, потери, возня околотитературных «фантазеров», лжедрузей и даже предательство. Входишь в его комнату — и голову берет в тиски свистящая, давящая тишина. Кажется, что он где-то здесь, совсем рядом. Ты останавливаешься и все оглядываешься и оглядываешься назад, в те дни, когда он был жив.

Н. Г. Гладкова (Троепольская)

2019 г.

Воронеж

БЕЛЫЙ БИМ ЧЕРНОЕ УХО

Повесть

Александру Трифоновичу Твардовскому

Глава первая

ДВОЕ В ОДНОЙ КОМНАТЕ

Жалобно и, казалось, безнадежно он вдруг начинал скулить, неуклюже переваливаясь туда-сюда, — искал мать. Тогда хозяин сажал его себе на колени и совал в ротик соску с молоком.

Да и что оставалось делать месячному щенку, если он ничего еще не понимал в жизни ровным счетом, а матери все нет и нет, несмотря ни на какие жалобы. Вот он и пытался в первые два дня время от времени задавать грустные концерты. Хотя, впрочем, засыпал на руках хозяина в объятиях с бутылочкой молока.

Но на четвертый день малыш уже стал привыкать к теплоте рук человека. Щенки очень быстро начинают отзываться на ласку.

Имени своего он еще не знал, но через неделю точно установил, что он — Бим.

В два месяца он с удивлением увидел вещи: высоченный для щенка письменный стол, а на стене — ружье, охотничью сумку и лицо человека с длинными волосами. Ко всему этому быстренько привык. Ничего удивительного не было уже и в том, что человек на стене неподвижен: раз не шевелится — интерес небольшой. Правда, несколько позже, потом, он нет-нет да и посмотрит: что бы это значило — лицо выглядывает из рамки, как из окошка?

Вторая стена была занимательнее. Она вся состояла из разных брусочков, каждый из которых хозяин мог вынуть и вставить обратно. В возрасте четырех месяцев, когда Бим уже смог дотянуться на задних лапках, он сам вытащил брусочек и попытался его исследовать. Но тот зашелестел почему-то и оставил в зубах Бима листок. Очень забавно было раздирать на мелкие части тот листок.

— Это еще что?! — прикрикнул хозяин. — Нельзя! — и тыкал Бима носом в книжку. — Бим, нельзя. Нельзя!

После такого внушения даже человек откажется от чтения, но Бим — нет: он долго и внимательно смотрел на книги, склоняя голову то на один бок, то на другой. И видимо, решил-таки: раз уж

нельзя эту, возьму другую. Он тихонько вцепился в корешок и утащил это самое под диван; там отжевал сначала один угол переплета, потом второй, а забывшись, выволок незадачливую книгу на середину комнаты и начал терзать лапами играючи, да еще и с прыгом.

Вот тут-то он и узнал впервые, что такое «больно» и что такое «нельзя». Хозяин встал из-за стола и строго сказал:

— Нельзя! — и трепанул за ухо. — Ты же мне, глупая твоя голова, «Библию для верующих и неверующих» изорвал. — И опять: — Нельзя! Книги — нельзя! — Он еще раз дернул за ухо.

Бим взвизгнул да и поднял все четыре лапы кверху. Так, лежа на спине, он смотрел на хозяина и не мог понять, что же, собственно, происходит.

— Нельзя! Нельзя! — долбил тот нарочито и совал снова и снова книгу к носу, но уже не наказывал. Потом поднял щенка на руки, гладил и говорил одно и то же: — Нельзя, мальчик, нельзя, глупыш. — И сел. И посадил на колени.

Так в раннем возрасте Бим получил от хозяина мораль через «Библию для верующих и неверующих». Бим лизнул ему руку и внимательно смотрел в лицо.

Он уже любил, когда хозяин с ним разговаривал, но понимал пока всего лишь два слова: «Бим» и «нельзя». И все же очень, очень интересно наблюдать, как свисают на лоб белые волосы, шевелятся добрые губы и как прикасаются к шерстке теплые, ласковые пальцы. Зато Бим уже абсолютно точно умел определить — веселый сейчас хозяин или грустный, ругает он или хвалит, зовет или прогоняет.

А он бывал и грустным. Тогда говорил сам с собой и обращался к Биму:

— Так-то вот и живем, дурачок. Ты чего смотришь на нее? — указывал он на портрет. — Она, брат, умерла. Нет ее. Нет... — Он гладил Бима и в полной уверенности приговаривал: — Ах ты мой дурачок, Бимка. Ничего ты еще не понимаешь.

Но прав был он лишь отчасти, так как Бим понимал, что сейчас играть с ним не будут, да и слово «дурачок» принимал на свой счет, и «мальчик» — тоже. Так что когда его большой друг окликал дурачком или мальчиком, то Бим шел немедленно, как на кличку. А раз уж он, в таком возрасте, осваивал интонацию голоса, то конечно же обещал быть умнейшей собакой.

Но только ли ум определяет положение собаки среди своих братьев? К сожалению, нет. Кроме умственных задатков, у Бима не все было в порядке.

Правда, он родился от породистых родителей, сеттеров, с длинной родословной. У каждого его предка был личный листок, свидетельство. Хозяин мог бы по этим анкетам не только дойти до прадеда и прабабки Бима, но и знать, при желании, прадедового прадеда и прабабушкину прабабушку. Это все, конечно, хорошо. Но дело в том, что Бим при всех достоинствах имел большой недостаток, который потом сильно отразился на его судьбе: хотя он был из породы шотландских сеттеров (сеттер-гордон), но окрас оказался абсолютно нетипичным — вот в чем и соль. По стандартам охотничьих собак сеттер-гордон должен быть обязательно «черный, с блестящим синеватым отливом — цвета воронова крыла, и обязательно с четко отграниченными яркими рыже-красными подпалинами»; даже белые отметины на не предусмотренных стандартом местах считаются большим пороком у гордонов. Бим же выродился таким: туловище белое, но с рыженькими подпалинами и даже чуть заметным рыжим крапом, только одно ухо и одна нога черные, действительно — как вороново крыло; второе ухо мягкого желтовато-рыженького цвета. Даже удивительно подобное явление: по всем статьям — сеттер-гордон, а окрас — ну ничего похожего. Какой-то далекий-далекий предок взял вот и выскочил в Биме: родители — гордоны, а он — альбинос породы.

В общем-то с такой разноцветностью ушей и с подпалинками под большими умными темно-карими глазами морда Бима была даже симпатичней, приметней, может быть, даже умнее или, как бы сказать, философичней, раздумчивей, чем у обычных собак. И право же, все это нельзя даже назвать мордой, а скорее — собачьим лицом. Но по законам кинологии белый окрас, в конкретном случае, считается признаком вырождения. Во всем — красавец, а по стандартам шерстного покрова — явно сомнительный и даже порочный. Такая вот беда была у Бима.

Конечно, Бим не понимал вины своего рождения, поскольку и щенкам не дано природой до появления на свет выбирать родителей. Биму просто не дано и думать об этом. Он жил себе и пока радовался.

Но хозяин-то беспокоился: дадут ли на Бима родословное свидетельство, которое закрепило бы его положение среди охотничь-

их собак, или он останется пожизненным изгоем? Это будет известно лишь в шестимесячном возрасте, когда щенок (опять же по законам кинологии) определится и оформится в близкое к тому, что называется породной собакой.

Владелец матери Бима в общем-то уже решил было выбраковать белого из помета, то есть утопить, но нашелся чудак, которому стало жаль такого красавца. Чудак тот и был теперешним хозяином Бима: глаза ему понравились, видите ли, умные. Надо же! А теперь и стоит вопрос: дадут или не дадут родословную?

Тем временем хозяин пытался разгадать, откуда такая аномалия у Бима. Он перевернул все книги по охоте и собаководству, чтобы хоть немного приблизиться к истине и доказать со временем, что Бим не виноват. Именно для этого он и начал выписывать из разных книг в толстую общую тетрадь все, что могло оправдать Бима как действительного представителя породы сеттеров. Бим был уже его другом, а друзей всегда надо выручать. В противном случае — не ходить Биму победителем на выставках, не греметь золотыми медалями на груди: какой бы он ни был золотой собакой на охоте, из породных он будет исключен.

Какая же все-таки несправедливость на белом свете!

ЗАПИСКИ ХОЗЯИНА

В последние месяцы Бим незаметно вошел в мою жизнь и занял в ней прочное место. Чем же он взял? Добротой, безграничным доверием и лаской — чувствами всегда неотразимыми, если между ними не втерлось подхалимство, каковое может потом, постепенно, превратить все в ложное — и доброту, и доверие, и ласку. Жуткое это качество — подхалимаж. Не дай-то боже! Но Бим — пока малыш и милый собачонок. Все будет зависеть в нем от меня, от хозяина.

Странно, что и я иногда замечаю теперь за собой такое, чего раньше не было. Например, если увижу картину, где есть собака, то прежде всего обращаю внимание на ее окрас и породистость. Сказывается беспокойство от вопроса: дадут или не дадут свидетельство?

Несколько дней назад был в музее на художественной выставке и сразу же обратил внимание на картину Д. Бассано (XVI век) «Моисей иссекает воду из скалы». Там на переднем плане изобра-

жена собака — явно прототип легавой породы, со странным, однако, окрасом: туловище белое, морда же, рассеченная белой проточиной, черная, уши тоже черные, а нос белый, на левом плече черное пятно, задний костреч тоже черный. Измученная и тощая, она жадно пьет долгожданную воду из человеческой миски.

Вторая собака, длинношерстная, тоже с черными ушами. Обесилев от жажды, она положила на колени хозяина голову и смиренно ожидает воду.

Рядом — кролик, петух, слева — два ягненка.

Что хотел сказать художник, поместив собаку среди людей на передний план? Видимо, он хотел сказать, что люди любили собак еще с глубокой древности, никогда их не покидали, даже в несчастье, даже на грани гибели народа, а собаки оставались преданными и верными, готовыми погибнуть вместе с человеком.

Ведь за минуту до этого все люди были в отчаянии, у них не было ни капли надежды. И они говорили в глаза спасшему их от рабства Моисею:

«О, если бы мы умерли от руки Господней в земле египетской, когда мы сидели у котлов с мясом, когда мы ели хлеб досыта! Ибо вывел ты нас в эту пустыню, чтобы всех собравшихся уморить голодом».

Моисей с великой горестью понял, как глубоко овладел людьми дух рабский: хлеб в достатке и котлы с мясом им дороже свободы. И вот он высек воду из скалы. И было в тот час благо всем, идущим за ним, что и ощущается в картине Бассано.

А может быть, художник и поместил собак на главное место как укор людям за их малодушие в несчастье, как символ верности, надежды и преданности? Все может быть. Это было давно.

Картина Д. Бассано около четырехсот лет. Неужели же черное и белое в Биме идет от тех времен? Не может того быть. Впрочем, природа есть природа.

Однако вряд ли это поможет чем-то отстранить обвинение против Бима в его аномалиях расцветки тела и ушей. Ведь чем древнее будут примеры, тем крепче его обвинят в атавизме и неполноценности.

Нет, надо искать что-то другое. Если же кто-то из кинологов и напомним о картине Д. Бассано, то можно, на крайний случай, сказать просто: а при чем тут черные уши у Бассано?

Поищем данные ближе к Биму по времени.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н. Г. Гладкова (Троепольская)</i>	
Он не мог не писать (<i>Воспоминания об отце</i>).....	5
БЕЛЫЙ БИМ ЧЕРНОЕ УХО. Повесть	19
ПРОХОР XVII И ДРУГИЕ. Из записок агронома	
Никишка Болтушок	181
Гришка Хват	193
Игнат с балалайкой	212
Проход семнадцатый, король жестянщиков	232
Прицепщик Терентий Петрович	267
Тугодум.....	286
Один день	303
КАНДИДАТ НАУК. Повесть, отчасти сатирическая	337
В КАМЫШАХ. Повесть	491
У КРУТОГО ЯРА. Рассказы	
У Крутого яра	637
Совесть хлебопашца	665
Агрономы.....	673
Соседи.....	682
РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ РАЗНЫХ ЛЕТ	
Митрич. Рассказ	711
Легендарная быль. Очерк	742
Паршивая фамилия. Рассказ	756
Экзамен на здравый смысл. Рассказ.....	765

СОДЕРЖАНИЕ

Дорога идет в гору. <i>Очерк</i>	
О реках, почвах и прочем. <i>Очерк</i>	805
Город помнит! <i>Очерк</i>	849
Интервью сатирика	856

Троепольский Г.

Т 70 Белый Бим Черное ухо : повести, рассказы, очерки / Гавриил Троепольский. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 864 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-17628-7

Повесть Гавриила Николаевича Троепольского «Белый Бим Черное ухо», опубликованная в 1971 году, сразу же по выходе в свет снискала широкий успех у публики, была переведена на десятки языков и с тех пор живет вне времени и читательского возраста, напоминая о простых ценностях жизни: любви, ответственности, сострадании. Снятый по этой книге одноименный фильм (1977) Станислава Ростоцкого неоднократно побеждал на различных кинофестивалях и был номинирован на «Оскар» в 1979 году как лучший иностранный фильм. В Воронеже, на родине писателя, установлен памятник главному герою повести — сеттеру Биму с необычным окрасом, но с самым обычным для каждой собаки пониманием мира, в основе которого — преданность другу и долгу.

В настоящий сборник, наряду с повестью о белом Биме, вошли повести, рассказы и очерки Троепольского, отражающие различные грани авторского таланта, — в частности, цикл сатирических рассказов «Прохор XVII и другие. Из записок агронома», который лег в основу фильма «Земля и люди» (1955), повести «Кандидат наук» и «В камышах», рассказы и очерки разных лет.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание

ГАВРИИЛ НИКОЛАЕВИЧ ТРОЕПОЛЬСКИЙ
БЕЛЫЙ БИМ ЧЕРНОЕ УХО

Ответственный редактор Сергей Антонов
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Юлия Теплова, Елена Шнитникова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 23.01.2020. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 54. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru
В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru
В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru
Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

A-ARL-26174-01-R